

О. Д. Василюк

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАБОТЫ АГАТАНГЕЛА КРЫМСКОГО ПО ТЮРКОЛОГИИ В ФОНДАХ ИР НБУВ

Широко известны труды академика Крымского (1871–1942) по тюркологии – “История Турции”, “История Турции и ее литературы”, “Тюрки, їх мови та літератури”, “Історія Туреччини та її письменства”, его статьи в сборнике “Студії з Криму” и энциклопедиях. Наряду с ними Агатангел Ефимович на протяжении своей научной карьеры писал небольшие по объему статьи и другие исследования по тюркологическим вопросам. Несомненный интерес вызывают хранящиеся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского (ИР НБУВ) работы А. Е. Крымского по турецкому языку. Как известно, многие научные труды Агатангела Ефимовича начинались как пособия для студентов московского Лазаревского института восточных языков, в котором он преподавал в 1898–1918 годах. К этому периоду относится и “Грамматика турецкого языка”, поскольку один из черновиков написан на обороте верстки работы 1911 г. “История арабов и арабской литературы, светской и духовной”. Дело состоит из нескольких тетрадей (это как напечатанные на машинке, так и рукописные тексты). Первая машинописная тетрадь озаглавлена: “Начальные сведения турецкой грамматики. Урок первый: Гармония гласных звуков”. Далее идут еще десять уроков в двух тетрадях. Второй урок уже представляет собой “Упражнения для перевода и разговора”. В каждом уроке даются примеры излагаемого материала, слова к упражнениям. По всему тексту имеются рукописные вставки и правки рукою Крымского, расширяющие и уточняющие подаваемый материал. Очевидно, Агатангел Ефимович не раз обращался к подготовленному тексту, все больше совершенствуя его. Некоторые хранящиеся в деле тетради – ученические. На одной из них написано: “Игорь Шеболдаев. Студент I курса Л.И.В.Я”. Остальные тетради не подписаны, но также явно являются рукописями студентов Лазаревского института восточных языков [ИР НБУВ, I, 25306].

“Научно-практический курс турецкого языка” состоит из шести рукописных тетрадей на украинском языке, написанных двумя почерками и разными ручками. Каждая из шести тетрадей имеет титул: «Академик Аг. Крымский. “Научно-практический курс турецкого языка”». Лекция первая озаглавлена: “Гармония гласных звуков”. Фактически это перевод предыдущего дела, но учитывающий некоторые правки, сделанные в нем Крымским. При этом есть начало (одна страница) одиннадцатой лекции, озаглавленной “О самых употребляемых именных суффиксах” (“Про найвживаніші іменні суфікси”), отсутствующая в предыдущем деле [ИР НБУВ, I, 25333]. Вероятно, Агатангел Ефимович просто готовил свой курс турецкого языка в начале 1920-х гг. для преподавания украинским студентам, потому что в следующем деле мы находим уже машинопись тех же 10 лекций под заголовком “Практическая грамматика турецкого языка” (Киев, 1921). Работы эти интересны еще и тем, что, излагая материал на родном языке, академик начал создавать таким образом украинскую научную терминологию [ИР НБУВ, I, 25320]. К этому же периоду и тематике относятся и несколько десятков листов черновиков рукою Крымского из другого дела [ИР НБУВ, I, 25336]. Написаны они после 1918 года, поскольку созданы на обрывках бумаги, в том числе обороте различных документов Академии наук за 1918–1919 гг. Рукопись пестрит правками красным карандашом также рукою Крымского и представляет собой различные упражнения по турецкому

языку. В этом же деле находится и тетрадь самого Агатангела Ефимовича периода его студенчества с титулом «Аг. Крымского “Турецкие слова из лекций Эфенди Дзеруниана”». Это 9 исписанных с двух сторон листов (два вырезаны), состоящие из словаря отдельных слов и фраз на разные темы в османском написании. Вероятно, Крымский использовал их для примеров в своих лекциях, как и хранящиеся в других делах тетради по турецкому языку своих однокурсников и студентов (например, Гордлевского) по Лазаревскому институту восточных языков [ИР НБУВ, I, 25299, 25338].

В фондах Института рукописи НБУВ также хранится несколько его статей, посвященных исследованию проблем языков и литератур тюркских народов СССР. Большая их часть написаны в 30-е годы XX века. Необходимо заметить, что это был очень непростой период в жизни известного академика. С конца 20-х годов его, одного из создателей Всеукраинской академии наук (ВУАН) и многолетнего ее неперемного секретаря, руководителя академических института, кафедр и других подразделений, постепенно лишили всех должностей. Арестовали и отправили в ссылку многих коллег, друзей и родственников, т. е. лишили привычного окружения. Агатангел Ефимович фактически перебрался из Киева в родную Звенигородку, где были дубликаты многих книг его библиотеки. Он много и плодотворно трудился, надеясь закончить свои исследования, например “Историю новой арабской литературы”, “Историю хазар” и др. Но опубликовать, к сожалению, удавалось немного. По письмам Крымского мы знаем, как это было мучительно для него. В поисках выхода из создавшегося положения многие свои работы этого периода он создавал сразу на двух языках (украинском и русском), надеясь издать их хоть где-нибудь. В фондах Института рукописи НБУВ хранится один интересный документ, который многое объясняет, – это прошение 1933 года в секретариат II отдела ВУАН, в котором Агатангел Ефимович сообщает о причине, побудившей его заняться исследованием тюркологических вопросов, хотя скорее это был просто повод. В частности, он пишет: «В первые годы существования Академии наук появлялись в академических изданиях один за другим такие мои труды как: “История Персии и ее писательства”, “Хафиз и его песни”, культурная “История Турции” (до XVI в.) вместе с критическим анализом источников, “История персидского театра”. Все они год за годом получали премию от Наркомпроса, еще и самую высокую, и этот факт для меня был свидетельством того, что работа моя очевидно идет в желаемом советском направлении. Но с началом пятилетки Наркомпрос направил письма в Академию наук, в которых уведомлял о желании главы ВУЦИКа¹ Г. И. Петровского о том, чтобы Украинская Академия Наук в своей востоковедческой работе пришла на помощь тем тюркским республикам СССР, которые не имеют достаточного количества научных сил для изучения своего прошлого, пускай бы работники-ориенталисты Украинской Академии Наук также знакомили бы и Украину с культурной жизнью тюркских народностей и их достижениями, и я, старый квалифицированный профессор-ориенталист, считал своей повинностью откликнуться и пойти по пути, который указывал Г. И. Петровский. А поэтому, не обращая внимания на те премии, получаемые от Наркомпроса за мои исследования над темами арабскими или староперсидскими, я поставил их себе уже на второй план и срочно посвятил тюркологии всю свою главную энергию... Самым важным своим заданием я считал обработку того, чего до сих пор не существует ни в российской, ни в западной ориенталистике, а именно дать исчерпывающую энциклопедию тюркологии: тюркской лингвистики, тюркской диалектологии, тюркских литератур, чтобы на такой работе могли базироваться другие труженики на этом поле. Кроме того, пребывая в научных отношениях с учеными тюркских советских республик и зная, какие еще темы для них интересны, я обработал еще несколько таких тем, которые местные ученые не могли обработать своими научными силами. К ним принадлежат культурно-этнографическая история северного (кавказского) Азербайджана, история хазарской народности – близких предков чувашей (заодно двухсотлетних властителей Киевщины и других территорий Старой Руси), натурально я это делал вместе с критическим обзором источников

для этой истории – источников греческих, кавказских, арабских” [ИР НБУВ, I, 26674, 2–4]. Так как тюркология всегда была интересна Агатангелу Ефимовичу, можно предположить, что это прошение было лишь необходимым элементом тогдашней жизни автора. Тем не менее, возможно, именно такая государственная направленность исследований подтолкнула Крымского к написанию ряда тюркологических статей, хранящихся ныне в фондах Института рукописи НБУВ, поскольку многие из них так и не вышли в свет в полном объеме.

Как известно из рабочих планов академика, уже в 1934–1935 гг. он собирался написать большую работу по истории новоосманской литературы до последних дней, с анализом причин упадка псевдоклассической и схоластической турецкой литературы, пережившей себя. Но эта рукопись пока не найдена [Циганкова 2007, 46–47]. А хранящаяся в ИР НБУВ рукопись “Новоосманская литература” представляет собой 12 листов машинописи на русском языке с исправлениями рукой Крымского и 13 листов рукописного перевода этого текста на украинский, сделанного не рукой Агатангела Ефимовича, но с его правками и дополнениями. Вероятно, это сохранившаяся часть большего текста, поскольку материал обозначен цифрой “IX” (исправлено с цифры “VIII”), т. е. это девятая глава. Подзаголовок информирует нас о ее содержании, причем дописан он рукой Агатангела Ефимовича на украинском языке в русском тексте. Значит, и этот текст готовился сразу на двух языках в надежде возможного издания хоть где-нибудь. В начале своей работы Крымский пишет, что в XIX в. в турецкую литературу проникает европейская струя. Этому способствовали широкие международные связи, и знакомство с европейской литературой происходило благодаря посольствам – как европейским в Стамбуле, так и турецким в Европе. Первый переводчик комедий Мольера на турецкий язык Ахмед Вефик-паша (1820–1890) служил в посольстве в Париже во времена Луи-Филиппа. В середине XIX в., во времена султана Абдула Меджида (1839–1861), министр иностранных дел Решид-паша отправил группу талантливых юношей на учебу в Париж. Крымский отмечает, что эти молодые люди четко осознавали необходимость не только заменить понятным широкому кругу читателей языком ту персидско-арабско-турецкую вычурную смесь, на которой создавалась литература в те времена, но и дать Турции европейский политический строй, европейское просвещение, европейскую литературу вместо устаревшего персидского лжеклассицизма [ИР НБУВ, I, 25334, 1].

Одним из этих обучавшихся в Париже молодых людей был Шинаси (1827–1871), по праву считающийся “отцом новой османской литературы”. Крымский анализирует его творчество, в первую очередь публицистические произведения, поскольку Шинаси был основателем в 1862 г. первой неправительственной газеты “Картина мыслей” (“Тесвир-и эфкяр”), которая издавалась на “простом выразительном языке”. Вокруг газеты сформировался круг единомышленников – “младотурков”, что являлось несомненной заслугой Шинаси. Проводимая газетой политика была антироссийской, несмотря на поражение последней в Восточной войне, и характеризовалась принципом, что “меч османов, подобно магнитной стрелке, неизменно должен обращаться на север”. Беллетристическое же его наследие не очень велико. Кроме переводов из старых авторов – Фенелона, Ламартина и др., – Шинаси написал оригинальную комедию “Женитьба поэта” (“Шаир евленме-си”), издал сборник народных пословиц “Зуруб-и емсал-и Османийе” с параллелями на других языках. Агатангел Ефимович отмечает, что газетные статьи Шинаси до сих пор публикуются как образец стиля и идей в хрестоматиях. И это говорит о несомненной заслуге Шинаси и объединенных им соратников, которые за двадцать лет создали новую османскую литературу [ИР НБУВ, I, 25334, 2–3].

Целая плеяда турецких писателей могла сказать о себе: “Все мы духовные детища Шинаси” (“henimiz Шинасинин ме‘неви евлады-из”). Среди них – романист и драматург Намык Кямаль-бей (1840–1888), также, несомненно, испытавший французское влияние. Крымский отмечает, что русские мусульмане называют Кямала “русским Тургеневым” (ссылаясь на свой разговор с просвещенным кумыком из Хасав-юрта Адилем

Шемшединовым в 1901 г.) за его бытовые романы, например “Приключения Али-бея”. Но большую славу получили его драмы, особенно патриотического содержания (“Родина, или Силистрия”). Известна и его историческая драма о борьбе харезмшаха XIII в. Джелялеddина против вторгшихся монголов. И хотя вклад Кямаля в развитие турецкой литературы несомненен, сам он заявлял, что жизнь в нее влил вовсе не он, а Шинаси с Хамидом.

Абдульхак Хамид (1852–1937) был сыном турецкого посла в Тегеране и историка Хайруллы. Большим успехом пользовались его драмы из истории аль-Андалуза “Тарик” (завоеватель Испании) и “Тереза” (злополучная христианская возлюбленная Абдеррахмана III). Агатангел Ефимович пишет, что Хамид первым применил к турецкой поэзии европейские стихотворные формы, заменив ими применяемые ранее газели и касыды. Его сборник поэзии “Сахра” (“Степь”) имел несомненное влияние на следующее поколение турецких лириков. Крымский замечает, что ценители османской литературы говорили: “Потомство не скажет, что поэт Абдульхак Хамид жил в царствование султана Абдул-Хамида, – оно скажет, что султан Абдул-Хамид царствовал в век Абдульхака Хамида” [ИР НБУВ, I, 25334, 3–5].

Далее Агатангел Ефимович вскользь анализирует творчество Махмуда Экрема, прекрасного поэта, чья грустная лирика призывает соединиться с природой; черкеса Ахмеда Мидхата (1844–1913) по прозвищу “пишущая машина” (йазы макіна-сы), написавшего огромное количество произведений с использованием в основном известных сюжетов, а иногда и простой заменой иностранных имен на турецкие. Последний вообще был популяризатором западных знаний в разных областях (например, дарвинизма), выступал за упрощение стиля литературного османского языка, но не правописания; писал исторические романы и пьесы. В его окружении Крымский отмечает приглашенного в Стамбул из Варны для работы в газете “Толмач истины” (“Терджюман-и Хакыкат”) молодого учителя Мюаллима Наджи (1850–1893), также писавшего неплохие повести; публициста, критика и историка литературы Абуззия Тевфика (1848–1913), опубликовавшего хрестоматию с обязательными предисловием и комментариями к каждому произведению. Албанец Сами-бей Фрашери (1850–1904) издал не только научно-популярную “Карманную библиотеку” (“Джеб кютюб хане-си”), но и очень известный на Западе (хотя и не всегда точный) биографический и историко-географический словарь “Камус уль-а’льâm” (1889–1899), и весьма ценимый “Турецко-французский словарь” (1899) [ИР НБУВ, I, 25334, 6–10].

После этого Крымский более подробно возвращается к творчеству упомянутого ранее современника Шинаси, дипломата, государственного деятеля и правителя Болгарии Ахмеда Вефик-паши (1820–1890), который прославился благодаря своему толковому словарю османского языка. Он также много переводил из европейской классики, в основном французской, в том числе, как и Шинаси, произведения Фенелона, очень нравившиеся туркам [ИР НБУВ, I, 25334, 11–12]. Агатангел Ефимович отмечает, что, кроме упомянутых, в этот период были и другие писатели, но он скорее назвал бы их переводчиками. Благодаря им многие популярные произведения стали известны турецким читателям. Они также основывали общеобразовательные курсы и научные ассоциации для распространения передовых западных идей [ИР НБУВ, I, 25334, 12].

Исследование “Башкирский язык и литература” написано в 1938 году. Черновиками для работы послужили бланки “Учасника березневої сесії ВУАН” (март 1935 г., Киев). В начале статьи дается подробный анализ численности башкирского населения, т. е. носителей языка. Отмечается, что “говорят башкиры далеко не единообразною речью: иные говоры – ближе к киргиз-казахским, иные – к казанско-татарским”, что еще недавно позволяло сравнивать его с белорусским, занимающим такое же положение между русским и украинским. Далее Агатангел Ефимович разбирает различные мнения коллег, констатируя, что, например, башкирский писатель Х. Габитов на I Всесоюзном тюркологическом съезде 1926 г. в Баку заявил, что башкиры причисляют себя к группе

казахских языков. Поддержал его и казахский писатель Омаров. Тогда как казанские лингвисты считали башкирский язык частью казанско-татарского. Крымский цитирует работы Дж. Валидова “О диалектах казанского татарского языка” (1927) и “Очерк истории образованности и литературы татар” (1923), где тот делит свой язык на три группы: собственно казанско-татарскую, мещеряцкую и урало-уфимскую, или тептяро-башкирскую. Агатангел Ефимович замечает при этом, что европейская лингвистическая традиция отделяет мещеряков от казанских татар и соединяет с тептярскими диалектами. Как всегда, в работах Крымского дается подробная библиография вопроса, в том числе ссылки на собственные труды [ИР НБУВ, I, 25563, 1–5].

Анализ литературы на башкирском языке академик начинает с фразы о том, что до 1924 года таковой не существовало. Был только “простонародный фольклор – легенды и сказки, песни лирико-бытовые и исторические, былины”. Отмечает, что фольклор этот сродни другим тюркским племенам, хотя и не без влияния Ирана. Так, в горах Южного Урала сохранились верования в персидского эпического Симорга – Самрога. Тогда как большинство песен не просто заимствованы у казанских татар, но даже поются на татарском языке. Более оригинальны былины, посвященные башкирским героям-богатырям, например соратнику Пугачова Салавату Юлаеву. Как всегда, дается анализ работ по теме, начиная от “Истории пугачовского бунта” Александра Пушкина до статей Р. Игнатьева, Г. Вильданова, Х. Габитова. Крымский пишет, что изданий башкирского фольклора крайне мало, и опять-таки дает их библиографию [ИР НБУВ, I, 25563, 6–8]. Агатангел Ефимович отмечает, что в царской России если и создавались литературные произведения, то писались они на татарском языке, отчего к татарской литературе и причисляются. Так, хотя повести Алимджана Ибрагимова и пересыпаны башкирскими словечками (“как повести Гоголя украинизмами”), написаны все же казанскими грамматическими нормами.

Переломным стал 1924 год – тогда и в школах, и в театре, и в науке, и в литературе в приказном порядке вводился башкирский язык. Необработанному, нелитературному башкирскому языку была дана научная терминология и литературная нормализация. Создавались словари, учебники орфографии. Крымский отмечает, что, поскольку башкирский язык “по природе своей, по лексическому репертуару... искони богатый”, он довольно быстро перешел в разряд литературных. Башкирские писатели, издававшие свои книги по-татарски, быстро перешли на башкирский язык, т. е. с чужого языка на родной [ИР НБУВ, I, 25563, 8–13]. Стали появляться исторические труды, например “История башкиров” Абдурахмана Фахрулдинова. Агатангел Ефимович описывает произведения своих современников – Афзала Тагирова, Давлятшина, Д. Юлтыева, Мифтахова, Идрисова, Шагера, Кулибая, Амантая, Бурангулова и др. Вспоминает поэтов: Янаби, М. Гафури. Отмечает при этом, что в башкирской литературе огромное количество заимствований сюжетов и невысокий литературный уровень, что конечно отражается на ее качестве и умаляет её достоинства [ИР НБУВ, I, 25563, 14–18].

Статья “Туркменская литература” хранится в двух делах, которые практически идентичны. Одна из папок – это машинописный текст с правками рукой Крымского, а также отрывки рукописи о туркменском театре. Исследование написано после марта 1929 года, поскольку черновиками для нее послужило письмо с означенной датой. Посвящена работа в основном туркменской литературе XVIII–XIX веков. Начинает ее Агатангел Ефимович сразу же критическим замечанием о том, что “в противность другим тюркам, у туркмен простонародная словесность очень бедна. Она бедна даже в сравнении с народной словесностью прочих – потомков Огузов”. Он сравнивает ее с песенным достоянием киргизов и ногайцев в пользу последних [ИР НБУВ, I, 25572, 6]. Опираясь на исследование Г. Вамбери “Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen”, академик Крымский утверждает, что здесь развилось и на долгое время захватило симпатии народных масс творчество полулитературных, полународных поэтов, испытывающих сильное влияние мистико-религиозного поэта

XII в. Ахмеда Йесеви. Не меньшее влияние имело и творчество джагатайского поэта XV в. Мир-Али-Шира Новаи. И это неудивительно, ведь это был народ, разбитый на отдельные, часто враждебные друг другу племена [ИР НБУВ, I, 25572, 6–7].

Вторая половина XVIII в. ознаменовалась появлением общенационального поэта – Махтума-кули. Крымский анализирует его творчество, отмечая при этом, что оно полно “суфийской скорби о суете и превратностях сего мира” и часто затеняет других творцов того времени, например талантливых поэтов – ахалтекинцев Шейдаи, Караджоглана, Майруфи, мервинца Кемине. Тем не менее Агатангел Ефимович дает подробную библиографию исследований и переводов Махтума-кули. Отмечает он и творчество панегириста мервского хана – Нефеса, а также Кьора-моллы и Кемине, отмечая у них и романтические поэмы о влюбленной паре, и поэзию с кровожадно-ликующим описанием победоносных битв, и сатирические стихи [ИР НБУВ, I, 25572, 8–9].

Вторая половина XVIII – начало XIX в. отмечены творчеством племянника Махтума-кули – гёкланца Зелили, творчество которого Крымский характеризует как “озлобленные рабские стихи” периода его пленения и сравнивает его с творчеством другого пленника (уже персов) – Сейиди, писавшего грустные элегии. Далее анализирует произведения текинца Даван-шаыра, вначале упоминая о его литературной перебранке с сарыкским поэтом Карасгланом, касающейся текинско-сарыкской междоусобицы, а также о его же прозаическом эпосе со стихотворными вставками о победе Коушут-хана Мервского над войсками персидского шаха Насиреддина. Той же теме посвящен и единственный дошедший до нас туркменский эпос (правда, искусственный) – историческая поэма ученого муллы кадия Абд-ус-сатара “Книга рассказов о битвах текинцев”. Это произведение, хотя и написано литературным языком, содержит огромное количество туркменизмов. Завоевание русскими Гёк-тепе оплакал Мескин-Кылыч. Здесь, как и прежде, академик Крымский дает подробнейшую библиографию по упомянутым произведениям на тот момент, делая свою небольшую статью актуальным источником по данной проблематике до сегодняшнего дня [ИР НБУВ, I, 25572, 10–11].

Завершает свой анализ Агатангел Ефимович выводом о том, что хотя русская администрация и создала в Ашхабаде и других районах края свои школы, но не дала толчка для создания новой туркменской литературы. Отмечает, что, возможно, новая власть поможет рождению новых поэтов и прозаиков. А пока упоминает издание 1926 г. произведений Махтума-кули, Зелили, Сейиди и ожидает, что их будет больше, как и переводов на русский язык [ИР НБУВ, I, 25572, 11].

Далее идут две страницы, написанные другой, зеленой пастой и карандашом. Здесь Крымский констатирует, что для развития науки и культуры в Туркменистане необходимо вырастить кадры научных сил. Приводит данные из статьи 1928 г. В. Карпыча “Науки и искусства в Туркменской С.С.Р.”: “...квалифицированных научных работников во всех 30 учреждениях оказалось всего лишь 13 человек”. Хотя уже в том же году был основан Институт туркменской культуры (Туркменкульт), который Крымский считает зародышем будущей туркменской Академии наук. А пока институт издает свой орган – “Туркменоведение”, имеет в своем составе Бюро краеведения, Государственную библиотеку, Книжную палату, Центральный архив, Государственный музей и другие организации, что, несомненно, по мнению автора, будет способствовать возвращению молодых сил туркменской национальности, ведь население республики составляет более 1 млн. человек по переписи 1926–1927 гг. Стиль написания этих двух страниц создает впечатление, что их Агатангел Ефимович приложил, чтобы сделать возможным публикацию своей достаточно объективной статьи [ИР НБУВ, I, 25572, 12–13].

В этом деле хранится и несколько листков явно подготовительных материалов, которые не вошли в окончательный вариант статьи. Так, например, Крымский пишет, что к новым достижениям относится и появление театра у туркмен, ведь ранее там не было даже кукольного театра, хотя он очень популярен у тюркских народов. Теперь же работает не только кукольный, но и классический театр, в котором ставят пьесы на туркменском языке. Стали появляться школьные драмкружки, создаваться оригинальные и

переводные постановки. Агатангел Ефимович перечисляет авторов и их произведения. Но, к сожалению, это только небольшие наброски незаконченного текста, хотя и с подробной библиографией вопроса. Также дается библиография материалов по туркменскому языку, но дальнейшего развития эта проблема в исследовании не имела, а возможно, просто не дошла до нас, поскольку статья так и не была опубликована [ИР НБУВ, I, 25572, 1–5].

Небольшая статья “Литература Туркестана” также написана в 1930-е годы. В начале работы Крымский делает большую вставку о географии исследования, указывая, что современный Узбекистан – это все же не весь прежний Туркестан, который перешел под власть России в 1870-х гг. “Восточная (горная) часть Бухары с Памирами, где язык населения – таджикский (иранский), и соединена с Узбекистаном, все же представляет собою автономную республику Таджикистан. Северные полосы Туркестана (преимущественно Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей), с населением киргиз-казацким, кара-калпацким и кара-кыргызским, отошли к республике Казахстану... как ее автономные области”. По-тюркски здесь говорят не только узбеки, но и “сарты”, иранцы по происхождению. Агатангел Ефимович отмечает, что до самого последнего времени здесь сохранялась старая джагатайская литература, характеризовавшаяся “старыми трафаретно-замершими средневековыми формами и даже... старым, умершим языком”. Отчасти это была литература в набожно-мусульманском духе, “литература мулл”, “с сатирическим осмеянием религиозной индифферентности и кочевой первобытности соседних казак-киргизов”. Местные ханы и эмиры не только выступали меценатами, но часто и сами писали стихи, чтобы по праву носить традиционный почетный титул “обладатель сабли и пера” [ИР НБУВ, I, 25652, 1]. Крымский анализирует антологии “Маджма-и шуара”, где были собраны произведения таких авторов. В частности, “собрание поэтов” кокандского Омар-хана (составленное стихотворцами Фазли и Мешрефом), где стихи в основном написаны на персидском языке. И “Собрание 30-ти царских поэтов, сопутствующих Фирузу” (псевдоним хивинского хана Сейида-Мухаммеда Рахима), где есть стихи и его сына Исфендияра, и министра (диван-беги) Мохаммеда Юсуф-бега. По мнению Агатангела Ефимовича, они подражали поэту XV в. Мир-Али-Ширу Неваи, но не имели его таланта. При этом совершенно не применяли преимущества новой литературы – османской, новотатарской, казанской [ИР НБУВ, I, 25652, 2].

Далее академик Крымский пишет, что в XVIII–XIX вв. в придворных кругах очень популярна была историческая литературы, но тоже не без специфики. Так, в написанных под покровительство Омар-хана исторических трудах было достаточно много неточностей, поэтических прикрас и льстивых генеалогических выдумок. В отличие от составленной на таджикском “Самарии” муфтия Абу-Тагыра-ходжи, в которой дается описание древностей и мусульманских святынь Самарканда, даже переведенной на русский язык. По-прежнему эти труды продолжали оставаться далекими от народа, поскольку писались на джагатайском и персидском языках. А местное население создавало свой фольклор на родном языке, часто откликаясь сатирическими песенками на происходящие события. И такие произведения публиковались: так, народные сартские певцы оплакивали особыми печальными песнями изгнание Худояр-хана из Ферганы, или написали песенку-сатиру на русские железнодорожные и административные порядки “Вот вагонный пассажир”, или осмеивали скупщика-пройдоху в “Виктор-бай”. Крымский замечает, что постепенно простонародный среднеазиатский язык проникает и в “искусственную” литературу, иногда в хаотичной смеси со староджагатайским [ИР НБУВ, I, 25652, 2–4].

Под влиянием казанских татар и азербайджанцев в Туркестане возникает и театр, вначале как бродячий, с выступлениями на базарах, постепенно становясь более профессиональным – с труппами и постановками на сцене. Отцом новоджагатайской драматической литературы считается автор драмы “Педер-кюш” (“Отцеубийца”) Бехбуди из Самарканда. Крымский анализирует творчество и современных ему драматургов – Фитрата (“Истинная любовь”, “Индусские революционеры”), Абдуллы Бадри (“Разбойник

Намаз”), Чулпана (“Восстание невольницы”, “Яркин Ой”), Гуляма Зафари (“Халима”), Гази Юнуса, Уйгура и др. Отмечает при этом, что некоторые из драматургов одновременно и лирики и их произведения, несомненно, вызывают интерес у читателя, хотя они и не всегда соответствуют критериям пролетарской советской литературы [ИР НБУВ, I, 25652, 5–6].

Но драматической литературе пока нет равной новой среднеазиатской беллетристики. Дело движется медленно, и пока она в зачаточном состоянии. Культурным явлением, например, стала публикация сокращенного перевода на сартский “Робинзон Круза”. Почти нет и научной литературы. Крымский пишет, что хотя еще в 1926 г. на Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку было заявлено о скорой публикации узбекских переводов “Истории Бухары” Г. Вамбери и “Туркестанъ въ эпоху монгольского завоеванія” В. Бартольда, эти книги до сих пор не изданы. При этом Агатангел Ефимович отмечает появление исторических статей и монографий современных авторов, например работы Гази Халима Юнусова и компилятивную “Историю Бухары” Салиева [ИР НБУВ, I, 25652, 7].

Далее Крымский анализирует периодику региона. Еще в 1871 г. царская администрация начала издавать “Туркестанскую туземную газету” на “туземном” языке, но просуществовала она недолго. В 1912 г. в Бухаре стала выходить полуофициальная газета “Бухара-и Шериф” (“Пречестная Бухара”), но по-тюркски она печаталась лишь раз в неделю, в остальные дни – на персидском. Описывает Агатангел Ефимович и современную периодику, в частности научно-литературный журнал “Просвещение и учитель”, отмечая при этом, что “к нашим временам” пресса укрепилась, но все же не имеет широкого распространения среди узбекского населения [ИР НБУВ, I, 25652, 8].

Свою рукописную статью “Азербайджанская литература” Агатангел Ефимович начинает с тезиса о том, что азербайджанская литература тесно переплетается с османской. И что поэт-пантеист “хуруфи” Несими нач. XV в. по языку может быть одинаково отнесен и к азербайджанским, и к османским писателям. А по-настоящему развиваться азербайджанская литература начала в границах не османского, а персидского государства, когда в Персии к власти пришла шиитская династия Сефевидов, при дворе которой говорили на тюркском азербайджанском языке, а основатель династии шах Исмаил (1499–1524) написал целый диван азербайджанских стихов под псевдонимом Хатаи. Далее Крымский последовательно описывает творчество Фузули, Месихи, Кавси Тебризского, Касым-бека Закира, Вели Видади, Панаха Вақыфа (отмечает, что двух последних сами азербайджанцы считают основателями своей литературы). Пишет, что больше возможностей раскрыться и развиваться азербайджанская литература имела в пределах российского государства, чем персидского [ИР НБУВ, I, 25512, 3–6].

Творчество Мирзы Джан Мададова, Фетха-Али Ахундова, Неджефа-бека Везирова, Мирва Шафы Гянджинского, поэтессы Ашик-пери оставило заметный след. Трагической была судьба шемахинского поэта Хаджи-Сейида Азима, убитого фанатичной толпой возле мечети. Его девизом были слова: “Будь не шиит, не суннит, не мусульманин, не христианин: просто не будь жуликом и пройдохой” [ИР НБУВ, I, 25512, 8]. Упоминает Крымский и издание сатирического журнала “Молла Насреддин”, одному из авторов которого, Сабиру Тагирову, стоит памятник в Баку. И хотя эти литераторы не оставили больших романов, их творчество было важным этапом в развитии азербайджанской и мировой литературы.

В то же время литература в персидской части Азербайджана (в основном в Тебризе) была менее заметна. Даже азербайджанец Расульзаде Мехеммед Эмин в своей статье в журнале “Тюрк юрду” в 1912 писал, что в персидском Азербайджане тюркская литература не самостоятельна – у нее персидский дух. Хотя в Тебризе и выходили газеты, они были двуязычные – на азербайджанском и персидском [ИР НБУВ, I, 25512, 9–11].

И только в советском Азербайджане, где тюркский язык начал применяться официально, возникли новые перспективы для азербайджанской литературы, появилась учебная

и научная литература. Плодотворно работали Салман Мумтаз Аскеров, Фридунбек Кочарлинский, Юсиф Везиров, Исмаил Хикмет. Обзор их работ делает Крымский [ИР НБУВ, I, 25512, 18–21]. Возможно, это исследование готовилось для сборника “Студії з Азербайджану”, которое планировала издать академическая Тюркологическая комиссия, но он так и не вышел.

Необходимо заметить, что при написании некоторых из упомянутых выше исследований Агатангел Ефимович использовал материалы своей статьи “Тюркские литературы”, вышедшей в 41 томе “Энциклопедического словаря Гранат” (1931 г.), так что их можно считать частично опубликованными. Но, возможно, вскоре будут изданы в полном объеме и другие его тюркологические рукописи, как это случилось с “Историей крымских эснафов (цехов)”, вошедшей в 3 том “Тюркология” (из 5-томника трудов ученого, подготовленного к печати сотрудниками Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины).

В письме к Игнатию Крачковскому академик Крымский писал: “Можно наверное сказать, что я не стал бы так внимательно изучать молодые тюркские литературы, как это я сделал, если бы жизнь шла нормально...” [Переписка... 1997, 204]. И хотя данные исследования Агатангела Ефимовича Крымского были созданы в силу обстоятельств того времени, это не умаляет их достоинств, поскольку они явно увлекали самого автора. И то, что они написаны много лет назад, не уменьшает их актуальности. Ведь та эрудиция, глубина знаний, использование широчайшей базы источников, которыми всегда славились работы академика Крымского, присущи и им. А значит, они интересны и нашим современникам.

¹ ВУЦИК – Всеукраинский центральный исполнительный комитет, высший законодательный, распорядительный, исполнительный и контролирующий орган государственной власти УССР в период между Всеукраинскими съездами советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1917–1938). ВУЦИК осуществлял общее руководство государством, хозяйственным и культурным строительством.

ЛИТЕРАТУРА

Епістолярна спадщина Агатангела Кримського (1890–1941 рр.). Т. II (1918–1941 рр.). Київ, 2005.

Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (ИР НБУВ). Ф. I, д. 25299. Турецкий язык.

ИР НБУВ. Ф. I, д. 25306. Грамматика турецкого языка.

ИР НБУВ. Ф. I, д. 25320. Практическая грамматика турецкого языка.

ИР НБУВ. Ф. I, д. 25333. Научно-практический курс турецкого языка.

ИР НБУВ. Ф. I, д. 25334. Новоосманская литература.

ИР НБУВ. Ф. I, д. 25336. Турецкие слова.

ИР НБУВ. Ф. I, д. 25338. Турецкий язык. Тетради для практических занятий.

ИР НБУВ. Ф. I, д. 25512. Азербайджанская литература.

ИР НБУВ. Ф. I, д. 25528. Туркменская литература.

ИР НБУВ. Ф. I, д. 25652. Литература Туркестана.

ИР НБУВ. Ф. I, д. 25563. Башкирский язык и литература.

ИР НБУВ. Ф. I, д. 25572. Туркменская литература.

ИР НБУВ. Ф. I, д. 26674. Прошение акад[емика] Крымского в секретариат II отдела Акад[емии] наук о средствах для перепечатывания работ на машинке.

Кримський А. Ю. История крымских эснафов (цехов) // *Кримський А. Ю. Вибрані сходознавчі праці*. Т. 3. Тюркологія. Київ, 2010.

Переписка академиком А. Е. Крымского и И. Ю. Крачковского 1920–1930-х годов / Публ. И. М. Смилянской // *Неизвестные страницы отечественного востоковедения*. Москва, 1997.

Циганкова Е. *Сходознавчі установи в Україні. Радянський період*. Київ, 2007.